

УДК 81'23–81'25 Научная статья
ББК 81
DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-96-115

ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Чугунова Светлана Александровна
профессор кафедры теории английского языка и
переводоведения БГУ им. акад. И.Г. Петровского,
Брянск, Россия

Аннотация

С опорой на психолингвистическую теорию слова как достояния индивида, предложенную и разрабатывавшуюся на протяжении нескольких десятилетий А.А. Залевской [1977; 1990; 1992; 1999; 2005; 2007; 2011; 2014], исследовался процесс перевода русскими билингвами в условиях учебного двуязычия английских окказионализмов, образованных с применением нестандартных для английского языка словообразовательных моделей. Теоретическая часть статьи представляет собой исследование понятия окказионализма в соотношении с близким понятием неологизма с позиций логико-структурного и психолингвистического подходов, а также обсуждение современных словообразовательных тенденций в английском и русском языках, касающихся языковых новаций с акцентом на нестандартных словообразовательных моделях. Экспериментальная часть статьи включает обоснование психолингвистического подхода к изучению процесса перевода и непосредственного обращения к индивиду в психолингвистическом эксперименте в качестве основного эмпирического метода исследования. Эксперимент проводился на материале английских окказионализмов, образованных с применением нестандартных для английского языка словообразовательных моделей. Цель эксперимента заключалась в проверке гипотезы, что при переводе окказионализмов русские билингвы в условиях учебного двуязычия предпочитают описательный перевод и устойчивые лексические образования и избегают применения нестандартных для русского языка словообразовательных моделей. Испытуемые переводили окказионализмы в контексте предложений. В результате, выдвинутая гипотеза нашла подтверждение только в отношении некоторых лексем, что может быть обусловлено условиями эксперимента, которые, таким образом, нуждаются в доработке.

Ключевые слова: окказионализм, неологизм, ментальный лексикон, ощущение новизны, нестандартное словообразование, язык перевода

Введение

Объектом настоящего исследования являются английские окказионализмы как достояние индивида, образованные с применением нестандартных для английского языка словообразовательных моделей, *предметом* – особенности перевода английских окказионализмов русскими билингвами в условиях учебного двуязычия. *Цель* исследования заключалась в проверке гипотезы, согласно которой при переводе английских окказионализмов, образованных с применением нестандартных для английского языка словообразовательных моделей, русские билингвы в условиях учебного двуязычия предпочитают описательный перевод и устойчивые лексические образования и избегают применения нестандартных для русского языка словообразовательных моделей. Поставленная цель предполагала последовательное решение следующих *задач*: 1) соотнести понятие окказионализма с близким понятием неологизма; 2) сопоставить логико-рациональный и психолингвистический подходы к лексической новации в языке; 3) рассмотреть значение «человеческого фактора» в неологии и осветить понятие «ощущение новизны» как относящееся к сфере речевой, психической деятельности индивида; 4) оценить степень неологизации современного английского и русского языков; 5) выявить основные нестандартные (окказиональные) словообразовательные модели в английском языке; 6) обосновать целесообразность изучения перевода как процесса принятия решений индивидом, осуществляющим этот процесс, т.е. с психолингвистических позиций; 7) провести эксперимент с использованием метода перевода с целью верификации сформулированной гипотезы исследования; 8) интерпретировать полученные от индивидов ответы и сделать выводы в пользу сформулированной гипотезы или признать её неподтверждённой. В качестве основных *методов* исследования применялись общенаучные методы синтеза, анализа и сравнения, а также узконаучные методы психолингвистического эксперимента, межъязыкового перевода и лингвистического описания экспериментального материала.

Методологической базой проведённого научного изыскания является психолингвистическая теория слова как достояния индивида и «живого знания» А.А. Залевской [1977; 1990; 1992; 1999; 2005; 2007; 2011; 2014]. Так, слово рассматривается как «достояние пользующегося языком человека, как продукт своеобразной переработки индивидом многообразного (вербального и невербального) опыта познания и общения, как средство доступа к образу мира личности, как познавательная единица с двойственной онтологией, обращённая одной своей ипостасью к индивиду, а другой – к социуму/культуре [Залевская 2014: 54].

Новое слово: окказионализм versus неологизм?

Известно, что в языке проявляется творческий характер человеческого мышления [Chomsky 2006: 6–11, 87], и человек склонен к языковому творчеству, отчего в языке постоянно появляются новые слова и выражения при самых разных обстоятельствах: либо продуцирующий устную или письменную речь индивид не может полноценно выразить мысль готовыми языковыми средствами, либо желает продемонстрировать свои исключительные способности, либо стремится рассмешить, либо достичь особого стилистического эффекта. Одни «сиюминутные» изобретения тут же забываются, а другие подхватываются и распространяются в социуме и таким образом задерживаются в языке, становятся частью его лексической системы [Weckenmann 2012]. Именно поэтому так называемые «окказионализмы» (*nonce-words/formations*; *occasionalisms*) заслуживают самого пристального внимания языковедов, причём как со стороны представителей структурного, системного подхода, так и со стороны представителей когнитивной парадигмы, включая психолингвистов.

Согласно [Poix 2018], со ссылкой на Оксфордский словарь, термин “*nonce-word*” был впервые предложен в XIX в. шотландским лексикографом Дж. Мюрреем (James Murray) в качестве слова для единичного использования в специфичной ситуации, тексте или в произведениях конкретного автора. Термин “*occasionalism*” был введён в научный оборот русскими лингвистами, а именно автором Е. Chanpira в 1966 г. (имеется в виду диссертация [Ханпира 1966]) – со ссылкой на [Dressler & Tumfart 2017: 155–156], причём только в контексте особенностей поэтического текста, хотя и до этого лингвисты в своих работах неоднократно отмечали разного рода лексические отклонения от нормативного языка. В статье [Poix 2018] предлагается использовать термин “*nonce formation*”, когда речь идёт о процессе создания нового слова, и термин “*occasionalism*”, когда речь идёт о результате этого процесса.

Из современных публикаций, проливающих свет на во многом всё ещё игнорируемое специалистами понятие окказионализма, следует отметить работу П. Хоэнхауса [Hohenhouse 1996], в которой представлена попытка дать исчерпывающий лингвистический анализ данного феномена – от обсуждения его места в существующих теориях словообразования и проблемы определения – до рассмотрения типологии и функций и, наконец, предложения собственной концепции окказионализма и окказиональности (*nonce-ness*), которая представляет собой континуум из признаков и может быть измерена. Важно, что новый взгляд, в отличие от общепринятых точек зрения, которые так или иначе, но сводят окказионализм к условию исключительной новизны, обслуживанию ситуации «здесь и сейчас» (*ad-hoc*), что, как верно

подмечено, практически невозможно надёжно верифицировать, подчёркивает континуальность понятия, его пластичность, т.е. степень окказиональности слова может быть большей или меньшей, в зависимости от большего или меньшего набора признаков, определяющих окказионализм, которые, однако, не всегда присутствуют в каждом конкретном случае [Weckenmann 2012].

Примечательно, что даже П. Хоэнхаус противоречит самому себе по поводу той же исключительности – основополагающего признака окказионализма: с одной стороны, он настаивает, что при повторном употреблении окказионализм перестаёт считаться таковым, а с другой – допускает факты воспроизведения, если эти факты не связаны между собой, что, надо признаться, также далеко не всегда можно проверить. В результате, автор концепции приходит к выводу о несостоятельности статистического подхода к определению окказионального слова и предлагает заменить его на трактовку в психологическом смысле: слово является окказиональным для индивида, если последний никогда прежде с ним не встречался. Однако и с этим условием не все склонны согласиться, поскольку ментальный лексикон (понятие, используемое П. Хоэнхаусом), представляет собой подвижное индивидуальное образование, и решение об исключительной новизне слова может не совпадать у говорящего и слушающего. И даже если решение совпадает, это не исключает иного ответа от других субъектов. Так, например, 23,5% опрошиваемой П. Хоэнхаусом аудитории, заявили, что слышали слово *beggable* раньше, тогда как остальная аудитория ни разу с ним не встречалась. Отсюда встаёт вопрос о статусе данного примера – он остаётся окказионализмом в этом случае или переходит в разряд неологизмов? Или он будет считаться неологизмом для 23,5% опрошиваемых и окказионализмом – для остальных [Hohenhouse 1996]?

Большинство лингвистов – представителей системного подхода в языкознании – различают окказионализмы и неологизмы по мере интегрированности лексической новации в язык и речь социума: неологизмы, несмотря на «диахроническую молодость», уже успели там закрепиться, и индивид, ощущая новизну, тем не менее извлекает придуманное кем-то другим слово из своей памяти, своего ментального лексикона, а окказионализмы – это действительно сиюминутные озарения, изобретения, открытия [Bauer 2004: 77–78; Crystal 2002: 132; Hohenhouse 2007: 17–18]. Как только окказионализм пережил ситуацию *ad-hoc* и начинает воспроизводиться в других ситуациях, он переходит в разряд неологизмов [Bauer 2004: 77–78; Schmid 2011: 75]. Однако, если с позиции логико-рационалистического подхода относительно нового слова всё, как правило, достаточно очевидно, и мы имеем дело с оппозицией «окказионализм – неологизм», то там, где в обсуждение включается индивид со своим ментальным лексиконом и своим индивидуальным ощущением

новизны, эта позиция оказывается уже не столь убедительной и неуязвимой. Более того, содержание понятия «новое слово» будет напрямую зависеть от «угла зрения», «системы координат», т.е. от той научной парадигмы, в рамках которой осуществляется изучение данного явления [Гришкина 2017: 19].

Новое слово и «ощущение новизны» с учётом «человеческого фактора»

Несомненно, центральным маркером для обоих понятий – окказионализма и неологизма является параметр новизны, который, однако, не поддаётся непосредственному наблюдению [Тогоева 2000: 41–47; Rodríguez Guetta 2016: 529–530], так как практически невозможно проверить исключительно субъективное «ощущение новизны» у каждого члена лингвокультурной общности, кроме как с использованием метода психолингвистического эксперимента в больших группах испытуемых [Тогоева 2000: 44]. Кроме того, нельзя не согласиться, что относящееся к сфере речевой, психической деятельности индивида «ощущение новизны» вносит путаницу и недосказанность при ограничении нового слова структурно-системным аспектом, но именно «субъективная новизна слова практически не исследуется» [Гришкина 2017: 55–56].

В этой связи особенно актуальным в свете отмечаемого А.А. Залевской перехода на новую общенаучную парадигму, новую глобальную метафору «живое знание» [Залевская 2014: 34, 38–39, 65], становится осознание необходимости изучения языковых новаций как достояния познающего индивида, который «не только мыслит», но «чувствует и эмоционально-оценочно переживает воспринимаемое и осмысливаемое» [Залевская 2014: 36].

Не умаляя вклада логико-рационалистического лингвистического подхода в описание и систематизацию феномена языковой неологизации, не можем не обратить внимание, что, продолжая «препарировать» новое слово без учёта «человеческого фактора» [Залевская 2014: 65] и речевой деятельности, наука не сумеет ответить на главный вопрос – о природе и причинах обновления человеческого языка, а «объяснение языковых изменений может быть только психологическое» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 224]. В связи с этим, несомненным объяснительным потенциалом в направлении развития неологии с психолингвистических позиций обладает интерфейсная концепция значения слова А.А. Залевской, сформулированная в результате «изучения особенностей естественного семиозиса» и непосредственно связанная с «трактовкой живого мультимодального гипертекста как внутреннего контекста процессов познания и общения» [Залевская 2014: 110].

Нестандартное словообразование в английском и русском языках

Поскольку использованные в качестве стимулов в эксперименте окказионализмы образованы с применением нестандартных моделей словообразования, следует подробнее остановиться на данном вопросе.

Сегодня, как известно, пальма первенства по процессам неологизации принадлежит английскому языку, в том числе по использованию нестандартного, или окказионального, словообразования [Малинин 2013]. В последнее время в англоязычной лингвистике появляются работы по систематизации новообразований, выходящих за рамки нормативной грамматики (*extra-grammatical*) и потому оказавшихся на периферии научных интересов (см., например, [Mattiello 2013]). К таковым следует отнести: усечения (*clippings*), аббревиацию и акронимы, контаминацию/блендинг/слияние, редупликацию, регрессивную деривацию (*back-formation*), инфиксацию и некоторые другие. Одной из причин, побуждающих специалистов обратить должное внимание на эти феномены, является их существенный рост в англоязычной среде, хотя это не означает, что подобные явления отсутствовали в речи прошлых поколений: *brekker* вместо *breakfast* (1889), *fathered* ← *father* (1608), *whiteboard* по аналогии с *blackboard* (1883), *trialogue* по аналогии с *dialogue* (1532) [Mattiello 2013; Mattiello 2017].

Приведём примеры упомянутых выше явлений (см. [Mattiello 2013]):

- усечения: *natch* ← *naturally*, *kid-vid* ← *kid video*, *spk* ← *speak*;
- аббревиация и акронимы: *LOL* ‘laughing out loud’, *Wysiwyg* ‘what I see is what I get’, *POTUS and FLOTUS* ‘the President and the First Lady of the United States’;
- контаминация: *netizen* ‘internet citizen’, *chunnel* ‘channel + tunnel’, *Kimye* ‘Kim Kardashian and Kanye West’;
- редупликация: *blah-blah*, *Waity Katie* (первое прозвище Кейт Миддлтон), *a knock-knock joke*;
- регрессивная деривация: *she ugs in the ugly* (*ug* ← *ugly*), *to create a cell that could ‘selflase’ from inside tissue* (*lase* ← *laser*).
- инфиксация: *kanga-bloody-roos*, *edumacation*.

Нередки также случаи нестандартного словообразования «смешанного типа», когда применяются два или более способов создания новой лексической единицы либо одновременно, либо с малым промежутком времени между ними. Особенно это свойственно английскому сленгу: *tater* ← *potato*; *skeeter* ← *mosquito*; *pianner* ← *piano*; *hunner* ← *hundred* (в этих примерах наблюдается использование словообразовательных моделей усечения и аффиксации); *GOPster* ← *Grand Old Party*; *SOLer* ← *short of luck*; *AWOLer* ← *absent without leave* (здесь имеют место акронимизация и аффиксации) [Малинин 2013].

В то же время не только английский язык, но и другие языки претерпевают нарушение характерных для них словообразовательных норм, прежде всего под напором глобализации и влиянием английского языка. Причём у одних языковедов всякого рода отклонения от нормы вызывают досаду, а иногда и полное отторжение, а у других, наоборот, подобные явления вызывают исследовательский интерес, поскольку они служат «показателями языкового развития» [Тогоева 2000: 60]. В качестве примера приведём случаи распространения контаминации в русском языке: *вспутчить* ← *путч* + *вспучить*; *волчеризация* ← *волчий* + *ваучеризация*; *демокрад* ← *демократ* + *крад(у)*; *прихватизация* ← *приватизация* + *хватать*; *трепортаж* ← *трёп* + *репортаж*; *футбол* ← *футбол* + *боль* (см. [Хрущёва 2017]). По этой же модели образованы такие лексемы, как *брехлама*, *Спортугалия*, *ШИКолад*, *публичко*, *вампьютер*, *цивилизор*, *криминалиссимус*, *сдербанк*, *осетенеть*, *Скандализа Райс* (см. [Кадырова 2014]), хотя в современном русском языке можно встретить лексические новации, образованные и по другим моделям с применением нетипичных для него языковых средств, например, как в случае с аффиксацией: *пивинг*, *водкинг*, *бабинг*, *втюхинг*, *путиноид*, *коммуноид*, *горохоизация*, *нашинцы*, *мегаожидания*, *псевдородственник* и т.д. (см. [Радбиль, Рацибурская 2017]).

Методика экспериментального исследования

Предметом проведённого экспериментального исследования стали особенности перевода английских окказионализмов, образованных с применением нестандартных для английского языка словообразовательных моделей, русскими билингвами в условиях учебного двуязычия. Цель исследования заключалась в проверке гипотезы, согласно которой при переводе окказионализмов русские билингвы предпочитают описательный перевод и устойчивые лексические образования и избегают применения нестандартных для русского языка словообразовательных моделей.

Прежде чем перейти к описанию процедуры эксперимента и анализу полученных результатов, следует сказать несколько слов об относительно новом векторе исследовательского интереса в науке о переводе, который, как считается, был задан чешским учёным И. Леви [Lévy 1967]. Он одним из первых в западноевропейской науке перешёл от анализа текста перевода к анализу переводческих решений, т.е. к переводчику и когнитивным аспектам его профессиональной деятельности. Когнитивная парадигма в науке о переводе, существующая под именами “Translation Process Research” [Jakobsen 2017] и “Cognitive translatology” [Muñoz Martín 2010], представляет собой междисциплинарное направление, интегрирующее знание и методы

лингвистики, психоллингвистики, психологии, нейронауки, когнитивной науки, искусственного интеллекта и других [O'Brien 2015]. О его развитии свидетельствует целый поток изысканий, особенно в последнее время (см., например, [Carl, et al 2015; Ferreira & Schwieter 2015; Göpferich, et al 2009; Schwieter & Ferreira 2017; Shreve & Angelone 2010]), причём отечественная наука также не остаётся в стороне от нового тренда, о чём свидетельствует появление публикаций, нацеленных на исследование процессуальной стороны перевода через непосредственное обращение к индивиду (см., например, [Погосов 2011; Подольская 1998; Чугунова 2018; 2019; Яковлев 2015]). При этом подмечено, что, испытывая на себе продуктивное воздействие со стороны указанных научных отраслей, само переводоведение не оказывает на них какого-либо заметного влияния [O'Brien 2015: 12–13].

В эксперименте, проводившемся в рамках студенческой выпускной квалификационной работы [Салтанова 2020] на материале окказионализмов, образованных с применением нестандартных для английского языка словообразовательных моделей, приняли участие 13 испытуемых (далее – ии.) в возрасте до 22 лет; все ии. – студенты 4 курса факультета иностранных языков Брянского госуниверситета имени академика И.Г. Петровского, для которых английский язык являлся основной специальностью. Поскольку только 2 ии. представляли собой лица мужского пола, гендерный фактор при анализе полученных результатов не учитывался.

Экспериментальный материал включал 16 оригинальных текстовых отрывков, отобранных из различных интернет-источников (чатов, новостных сайтов, сериалов, социальных сетей). Отрывки состояли из одного или нескольких предложений. Основным критерием для отбора экспериментального материала послужило наличие в источниках окказионализмов, образованных с нарушением норм современного английского языка: *conspiracy*; *medieval*; *fabstinent*; *trustomatic*; *shadawn*; *reliction*; *crimace*; *insomaniac*; *viramins*; *buttle-battle*; *bunch-bench*; *hack-track*; *chromakeyest*; *leo-bloody-pard*; *endeathen*; *yololand*.

Указанные лексемы являются результатом применения следующих словообразовательных моделей: контаминации/блендинга (*conspiracy* ← *conspiracy* + *spy*; *medieval* ← *medieval* + *evil*; *fabstinent* ← *fabulous* + *abstinent*; *trustomatic* ← *trust* + *automatic*; *shadawn* ← *shadow* + *dawn*; *reliction* ← *religion* + *fiction*; *crimace* ← *crime* + *grimace*; *insomaniac* ← *insomnia* + *maniac*; *viramins* ← *virus* + *vitamins*), редупликации (*buttle-battle* ← *buttle* + *battle*; *bunch-bench* ← *bunch* + *bench*; *hack-track* ← *hack* + *track*), регрессивной деривации (*buttle-battle* ← *butler*), аффиксации (*chromakeyest* ← *chromakey* (N) + *-est*), в том числе с помощью редких для английского языка аффиксов – инфикса

(*leo-bloody-pard* ← *leopard*) и циркумфикса (*endeathen* ← *death*), акронима (*yololand* ← *you only live once*). В ряде случаев наблюдается словообразование «смешанного типа»: регрессивной деривации и редупликации – *bettle-battle*, акронима и словосложения – *yololand*, аффиксации и аналогии – *endeathen*: данный окказионализм образован по аналогии с глаголом *enliven*.

Статус отобранных для эксперимента окказионализмов подтверждается отсутствием соответствующих словарных статей в англоязычных словарях, таких как “Webster Dictionary”, “Oxford Dictionary”, “Cambridge Dictionary”, “MacMillan Dictionary”, “Longman Dictionary” и других, хотя их словарный состав постоянно пополняется, а также тем, что экспериментальный материал был заимствован из различных интернет-ресурсов (чатов, новостных сайтов, форумов, сериалов), что, на наш взгляд, отчасти соответствует условию ситуаций *ad-hoc*. В любом случае, и в этом трудно не согласиться с авторами публикаций [Hohenhouse 1996; Weckenmann 2012], факт воспроизводства практически невозможно надёжно верифицировать.

Согласно инструкции, ии. должны были прочитать отрывки и письменно перевести выделенные полужирным курсивом слова. То, что эти слова являются окказионализмами, в анкете не уточнялось. При этом не допускалось общаться между собой и пользоваться какой-либо подсказкой, включая интернет. Сразу оговоримся, что в ряде случаев ии. переводили целые отрывки, что оказалось целесообразным для более полной передачи значения/смысла английского окказионализма на языке перевода. Ниже приводится анкета для ии. с инструкцией и экспериментальным материалом.

Результаты экспериментального исследования

Рассмотрим подробнее некоторые из полученных в ходе эксперимента результатов относительно того, насколько часто или редко ии. применяют нестандартные (окказиональные) для русского языка способы словообразования.

1. - *I feel like I'm being watched day and night.*
- *Oh, I love a little conspiracy theory!*
- *It's a **conspiracy** theory! The guy stalks me as if he was a spy working for some kind of CIA. It's like a have a target on my back.*

Окказионализм **conspiracy** был переведён следующим образом: *шпионская теория* (4 ии.); *теория шпионства* (5 ии.); *шпионская теория заговора* (2 ии.); *теория шпионского заговора* (2 ии.).

Как видим, ни в одном из переводов не используется нестандартная модель словообразования, включая контаминацию, хотя переводы *шпионская теория заговора* и *теория шпионского заговора*, безусловно, верно передают значение стимула.

Экспериментальная анкета для испытуемых

Уважаемый испытуемый! Прочтите следующие отрывки с целью их понимания и переведите письменно подчёркнутые слова в правой колонке таблицы. Пользоваться словарями, онлайн-переводчиками или другими подсказками, а также общаться друг с другом запрещается!

- I feel like I'm being watched day and night. - Oh, I love a little conspiracy theory! - It's a conspiracy theory! The guy stalks me as if he was a spy working for some kind of CIA. It's like a have a target on my back. Her medieval methods get even the most stubborn ones to talk!	
He just dumped me. But you know what? It's okay, doesn't matter, I'm moving on! Cause this year is about the new, fabulous, abstinent me. Fabstinent!	
When the two broke into the house he buttle-battled them with forks, knives and tablecloths.	
They said the safari is safe. And it was until that leo-bloody-pard almost tore my left leg off!	
Steve asked me to enliven the conversation and now I just want to endeathen it all back.	
But look in his innocent eyes! Wouldn't you let him in too? He is so trustomatic .	
My teammates found out about my leg and bunch-benched me for the rest of the game.	
I knew I shouldn't have used my phone! He hack-tracked me.	
His evil mind was never asleep. When he saw her, it shadawned on him.	
- So, Darwinism or reliction? - What's reliction? - You know, science fiction, religion fiction, reliction , all that.	
I'm disappointed. It's their chromakeyest MV ever. Only the singers themselves are real.	
He's just a copycat (a criminal who imitates the crimes of another). He crimaces his idol.	
Have you heard about the insomaniac ? His victims die, because he doesn't let them sleep.	
There's no boredom, no sorrow in your yololand , right?	
They feed us some pills and infect us with this thing. But we become immune to all the other diseases. Viramins , that's how we call their drugs.	

2. *He just dumped me. But you know what? It's okay, doesn't matter, I'm moving on! Cause this year is about the new, fabulous, abstinent me. **Fabstinent!***

Окказионализм **fabstinent** был переведён следующим образом: *Я стану великоленной и воздержанной. **Великодержанной!*** (1 испытуемый – далее и.); *великомерной* (1 и.); *роскошной и воздерживающейся* (1 и.); *В этом году я буду неповторимой и умеренной. **Непомеренной!*** (1 и.); *неповторимая и одинокая* (1 и.); *воздержанно-великоленной* (1 и.); *великолепно-воздержанной* (1 и.); *одна и неповторима* (1 и.); *В этом году я буду феерической и одинокой. **Фееродинокой!*** (1 и.); *крутая одиночка* (1 и.); *роскошная одиночка* (1 и.); *Я стану свободной и чудесной! **Свободесной!*** (1 и.); *В этом году я – роскошная и умеренная. **Роскошумеренная!*** (1 и.).

Опустим вопрос о том, насколько удачными можно признать предложенные переводы, но, в отличие от предыдущего окказионализма, этот стимул, который также является результатом контаминации (блендинга), оказался «щедрым» на нестандартное словообразование в переводе, причём также с применением контаминации: *роскошумеренная, свободесная, фееродинокая, великодержанная*. Даже составные прилагательные *воздержанно-великолепная* и *великолепно-воздержанная* противоречат семантическим нормам русского языка.

3. *He's just a copycat (a criminal who imitates the crimes of another). He **crimaces** his idol.*

Окказионализм *crimace* был переведён следующим образом: *Он копирует своего кумира* (2 ии.); *Он повторяет за своим идолом* (2 ии.); *Он передразнивает своего кумира/идола* (3 ии.); *Он идёт по стопам своего кумира* (3 ии.); *Он же подражатель, вот он и подражает* (1 и.); 2 ии. отказались от перевода.

Как и в случае с первым стимулом, ии. не перевели данный стимул с использованием нестандартного словообразования, но, в отличие от первого стимула, значение этого окказионализма осталось нераскрытым, несмотря на то, что в оригинале содержится исчерпывающая информация на этот счёт.

4. *When he saw her, it **shadawned** on him.*

Окказионализм *shadawn* был переведён следующим образом: *ему в голову пришёл/созрел план* (4 ии.); *тёмные мысли закралась к нему в голову* (1 и.); *И когда он её увидел, его **отенило*** (4 ии.); *его **осенила тёмная** мысль* (2 ии.); *На него снизошло **тёмное озарение*** (2 ии.).

Данный стимул, как и предыдущие, представляет собой результат применения словообразовательной модели контаминации, и эту же модель мы наблюдаем в варианте перевода – *отенило*, правда, предложенную четырьмя испытуемыми. Вместе с тем, стилистические оксюмороны *осенила тёмная (мысль)* и *тёмное озарение*, несомненно, адекватно передают значение английского окказионализма.

5. *When the two broke into the house he **buttle-battled** them with forks, knives and tablecloths.*

Окказионализм *buttle-battle* был переведён следующим образом: *он отбился истинно по-дворецковски* (1 и.); *он, как истинный дворецкий* (1 и.); *он использовал «способ дворецкого»* (1 и.); *он воспользовался «методом дворецкого»* (2 ии.); *дворецкий выдворил* (5 ии.); *он выставил их во двор* (2 ии.); *он, как и подобает настоящему двореckому* (1 и.).

Данный отрывок взят из интернета, из любительского эссе, поэтому удивительно, что все ии. угадали в усечённой форме *buttle* «дворецкого» (*butler*). Единственный вариант перевода, который противоречит нормам русского языка и может считаться окказионализмом, – *по-дворецковски*.

6. *They said the safari is safe. And it was until that **leo-bloody-pard** almost tore my left leg off!*

Окказионализм **leo-bloody-pard** был переведён следующим образом: *тот чёртов леопард* (4 ии.); *проклятый леопард* (2 ии.); *лео-чтоб его-пард* (4 ии.); *лео-мать его-пард* (3 ии.).

Значение инфикса *-bloody-* передано верно во всех переводах, чего нельзя сказать о значении окказионализма в целом – ненормативные варианты *лео-чтоб его-пард* и *лео-мать его-пард*, предложенные почти половиной испытуемых, не могут считаться удачными в этом смысле.

7. *Steve asked me to enliven the conversation and now I just want to **endeathen** it all back.*

Окказионализм **endeathen** был переведён следующим образом: *Стив попросил оживить разговор, теперь хочу омертвить его обратно* (4 ии.); *Стив просил начать беседу, теперь я лишь хочу её закончить* (2 ии.); *Стив попросил завязать разговор, теперь я хочу развязать его снова* (3 ии.); *Стив просил меня вдохнуть жизнь в беседу, как бы теперь её выдохнуть* (2 ии.); *По просьбе Стива я помог этому разговору возродиться, сейчас хочу помочь выродиться* (1 и.); *Стив попросил меня воодушевить беседу, теперь я лишь хочу её вооумертвить* (1 и.).

Как и в случае со стимулом, во всех переводах присутствует антитеза, построенная на аналогии, все ии. уловили и попытались передать иронию, заложенную в оригинале, одни это сделали более удачно, другие – менее, но только один испытуемый решился предложить свой окказионализм – *вооумертвить*.

8. *I'm disappointed. It's their **chromakeyest** MV ever. Only the singers themselves are real.*

Окказионализм **chromakeyest** был переведён следующим образом: *Это самый захромакеенный клип у них* (1 и.); *Это их самый нахромакеенный клип* (1 и.); *Это их самый ненатуральный клип* (1 и.); *Их клип будто нарисовали на компьютере* (1 и.); *Их клип просто нарисованный* (1 и.); *В этом клипе компьютерной графики больше всего* (1 и.); *В их клипе всё создано на зелёном экране* (2 и.); 4 ии. отказались от перевода.

В случае с этим стимулом только два перевода могут считаться окказионализмами – *захромакеенный* и *нахромакеенный*.

9. *There's no boredom, no sorrow in your **yololand**, right?*

Окказионализм **yololand** был переведён следующим образом: *Вы живёте под девизом «лови момент», без скуки и тоски, да?* (2 ии.); *У вас страна под названием «живём один раз»* (1 и.); *В вашем мире без забот* (2 ии.); *В вашей стране/земля сегодняшнего дня* (5 ии.); *В вашей стране под названием «живи сегодня»* (1 и.); *Вы живёте одним днём* (1 и.); 1 ии. отказался от перевода.

Судя по переводам, практически все ии. знакомы с акронимом *yolo*. В переводах данного стимула отсутствует окказиональное словообразование. Возможно, это связано с тем, что за акронимом, входящим в состав английского окказионализма, скрывается фраза, а не одно слово.

Выводы

В настоящей статье, с опорой на психолингвистическую теорию слова как «живого знания», выдвинутую и разработанную А.А. Залевской [1977; 1992; 2005; 2007; 2011; 2014], исследовалось оперирование английскими окказионализмами носителями русской лингвокультуры в условиях учебного двуязычия. В ходе исследования была сформулирована гипотеза, что при переводе окказионализмов русские билингвы в условиях учебного двуязычия предпочитают описательный перевод и устойчивые лексические образования и избегают применения нестандартных для русского языка словообразовательных моделей. Для проверки гипотезы понадобилось обращение к индивиду в условиях психолингвистического эксперимента.

Анализ переводов, предложенных испытуемыми, показывает, что настоящая гипотеза подтверждается только отчасти и только с некоторыми стимулами, хотя согласно простой статистике в большинстве случаев испытуемые действительно избегали использовать в переводе окказиональное словообразование и не решались отклоняться от норм русского языка. Самое большое число переводных окказионализмов было предложено на стимул *fabstinent*, а на такие стимулы, как *conspiracy*, *crimace* и *yololand*, не было предложено ни одного окказионального слова. Также складывается впечатление, что результаты перевода не зависят от словообразовательной модели стимулов: например, в случае с контаминацией стимул *fabstinent* дал самое большое число переводных окказионализмов, а на стимулы *conspiracy* и *crimace* не было получено ни одного перевода этого типа. Единственный стимул, который заставляет думать иначе, – это лексема *yololand*, образованная с помощью акронима, т.е. отсутствие окказионализмов в переводе может быть связано с тем, что за акронимом скрывается фраза, а не одно слово. Однако для получения более точных и убедительных выводов необходимо продолжить работу в направлении уточнения условий эксперимента и с привлечением большего количества испытуемых.

© Чугунова С.А., 2021

Литература

Бодуэн де Куртенэ И.А. Об общих причинах языковых изменений // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 222–254.

Гришкина Е.Н. Новизна лексической единицы как интегративный параметр психологической структуры значения слова (на материале психолингвистического эксперимента): Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2017. 179 с.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1990. 204 с.

Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 135 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. London: Published by IASHE. 2014. 180 с.

Кадырова Л.Д. Гибридные неоминации в современном масс-медийном дискурсе: семантико-деривационный аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2014. 208 с.

Малинин А.Б. Нестандартное словообразование «смешанного» типа современного английского сленга [Электронный ресурс] // Университетские чтения – 2013. Пятигорск: Пятигорск ый государственный лингвистический университет, 2013. Режим доступа: https://pgu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=395&ELEMENT_ID=6095 Дата обращения: 06.11.21.

Погосов А.А. Динамика переводческого процесса: критерии лингвокогнитивного описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2011. 18 с.

Подольская Н.И. Проблема описания процесса перевода: метод компьютерного моделирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 1998. 25 с.

Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.

Салтанова Ю.А. Особенности понимания и перевода нестандартных англоязычных окказионализмов: Выпускная квалификационная работа. Брянск: Брянский гос. ун-т, 2020. 76 с.

Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. 155 с.

Хантура Э.И. Оказиональное словообразование В.В. Маяковского (Отыменные глаголы и причастия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. 16 с.

Хрущёва О.А. Бленды современного русского языка как зеркало культуры // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. Вып. 202, № 2. С. 66–70.

Чугунова С.А. Функционирование языка в условиях лингвокультурного взаимодействия: деятельностный подход // Функционирование языка в социуме, тексте, индивидуальном сознании: коллективная монография / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. С. 193–214.

Чугунова С.А. Неологизмы как достояние индивида (на материале англоязычных неологизмов из сферы моды) // Вопросы психолингвистики. 2019. Том 41, № 3. С. 64–77.

Яковлев А.А. Психолингвистические аспекты перевода. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 160 с.

Bauer L. A Glossary of Morphology. Washington D.C.: Georgetown University Press, 2004.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002 (1995).

Carl M., Bangalore S. & Schaeffer M. New directions in empirical Translation Process Research: Exploring the CRITT TPR-DB. Springer, 2015.

Chomsky N. Language and mind. Cambridge University Press, 2006 (1968).

Dressler W.U. & Tumfart B. New corpus-linguistic approaches to the investigation of poetic occasionalisms: The case of Johann Nepomuk Nestroy // Yearbook of the Poznan Linguistic Meeting, 3(1). De Gruyter Open, 2017. Pp. 155–166.

Ferreira A. & Schwieter J.W. Psycholinguistic and cognitive inquiries into translation and interpreting. John Benjamins Publishing Company, 2015.

Göpferich S., Jakobsen A.L. & Mees I.M. Behind the mind: Methods, models and results in Translation Process Research. Samfundslitteratur, 2009.

Hohenhaus P. Ad-hoc-Wortbildung. Terminologie, Typologie und Theorie kreativer Wortbildung im Englischen. Frankfurt am Main: Lang, 1996.

Hohenhaus P. How to do (even more) things with nonce words (other than naming) // J. Munat (Ed.), Lexical Creativity, Texts and Contexts. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamin, 2007. Pp. 15–38.

Jakobsen A.L. Translation Process Research // J.W. Schwieter & A. Ferreira (Eds.), The Handbook of Translation and Cognition. John Wiley & Sons, Inc., 2017. Pp. 21–49.

Levy J. Translation as a decision process // To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday. 1967. Vol. 2. Pp. 1171–1182. The Hague: Mouton.

Mattiello E. Extra-grammatical morphology in English: Abbreviations, blends, reduplicatives, and related phenomena. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2013.

Mattiello E. Analogy in word-formation: A study of English neologisms and occasionalisms. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2017.

Muñoz Martín R. The Way They Were: Subject Profiling in Translation Process Research // I. Mees, F. Alves & S. Göpferich (Eds.), Methodology, Technology and Innovation in Translation Process Research [Copenhagen Studies in Language, 38]. Copenhagen: Samfundslitteratur, 2010. Pp. 87–108.

O'Brien Sh. The borrowers: Researching the cognitive aspects of translation // M. Ehrensberger-Dow, S. Göpferich & Sh. O'Brien (Eds.), Interdisciplinarity in Translation and Interpreting Process Research. Vol. 72. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015 Pp. 5–17.

Poix C. Neology in children's literature: A typology of occasionalisms [Электронный ресурс] // Lexis. Journal in English Lexicology. 2018. Vol. 12. Lexical and Semantic Neology in English. Режим доступа: <https://journals.openedition.org/lexis/2111>. Дата обращения: 07.11.21.

Rodríguez Guerra A. Dictionaries of neologisms: A review and proposals for its improvement // Open Linguistics. 2016. № 2. Pp. 528–556.

Schmid H.-J. English morphology and word-formation: An introduction. Berlin: Erich Schmidt, 2011 (2005).

Schwietter J.W. & Ferreira A. The handbook of translation and cognition. John Wiley & Sons, 2017.

Shreve G.M. & Angelone E. Translation and cognition. John Benjamins Publishing, 2010.

Weckenmann Ch. Peter Hohenhaus's concept of nonce-formation – A critical analysis. GRIN Publishing, 2012.

Источники экспериментального материала

Archiveofourown.org [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.archiveofourown.org/> Дата обращения 04.04.2020.

Engvideo.pro [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://engvideo.pro/en/serials/supernatural/> Дата обращения 15.05.2020.

Ling.Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ling.online/ru/video/serials/the-100/> Дата обращения 18.04.2020.

Ling.Online [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ling.online/en/video/serials/how-to-get-away-with-murder/> Дата обращения 15.03.2020.

Reddit [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.reddit.com/> Дата обращения 15.04.2020.

Twitter [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://twitter.com/home> Дата обращения 31.03.2020.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 25.09.2021

Дата принятия к печати: 25.12.2021

Сведения об авторе:

Чугунова Светлана Александровна – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения БГУ им. акад. И.Г. Петровского

Контактная информация:

241036 Брянск, ул. Бежицкая, 14

e-mail: chugunovasvetal@rambler.ru

Для цитирования:

Чугунова С.А. Перевод английских окказионализмов в условиях учебного двуязычия // Вопросы психолингвистики №4(50) 2021, С. 96–115. doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-96-115

UDC 81`23–81`25

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-96-115

**TRANSLATION OF ENGLISH NONCE-WORDS
IN THE CONTEXT OF CLASSROOM BILINGUALISM**

Svetlana A. Chugunova

Professor at the Chair of the English Language

Theory and Translation Studies

Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky,

Bryansk, Russia

Abstract

This paper is a study of English nonce-words as individual knowledge according to the “live word” and “live knowledge” psycholinguistic theory proposed and developed by A.A. Zalevskaya (1977; 1990; 1992; 2005; 2007; 2011; 2014). The theoretical section of the research includes considering the following issues: nonce-

words as contrasted with neologisms from the standpoint of logical-structural and psycholinguistic approaches, as well as modern trends in the English word-formation with an emphasis on extra-grammatical, or non-standard, word-formation models. The empirical part of the research is an experimental investigation of the way Russian subjects with foreign language competence in English translate English extra-grammatical nonce-words. We hypothesized that Russian subjects would prefer standard word-formation models to non-standard models while translating English nonce-words. The stimuli were presented in sentences. The hypothesis proved true, but not for all nonce-words. We suggest that results could be affected by some experimental conditions that may need further consideration.

Keywords: nonce-word, neologism, mental lexicon, a sense of novelty, extra-grammatical (non-standard word-formation), receptor language

References

Bodujen de Kurtenje, I.A. (1963) Ob obshhikh prichinah jazykovykh izmenenij [Common causes of language changes]. In: *Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju* [Selected Works on General Linguistics]. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 222–254. (in Russian)

Grishkina, E.N. (2017) *Novizna leksicheskoy edinicy kak integrativnyj parametr psihologicheskoy struktury znachenija slova (na materiale psiholingvisticheskogo jeksperimenta)* [The novelty of a lexical unit as an integrative parameter of the psychological structure of the meaning of a word (based on a psycholinguistic experiment)]: Dissertation for the degree of candidate of philology. Tver'. 179 p. (in Russian)

Zalevskaja, A.A. (1977) *Problemy organizacii vnutrennego leksikona cheloveka* [Problems of organizing a person's internal vocabulary]. Kalinin, Kalininskii gosudarstvennyi universitet. 83 p. (in Russian)

Zalevskaja, A.A. (1990) *Slovo v leksikone cheloveka: psiholingvisticheskoe issledovanie* [A word in the human lexicon: a psycholinguistic study]. Voronezh, voronezhskii gosudarstvennyi universitet. 204 p. (in Russian)

Zalevskaja, A.A. (1992) *Individual'noe znanie: specifika i principy funkcionirovanija* [Individual knowledge: specificity and principles of functioning]. Tver', Tverskoj gosudarstvennyi universitet. 135 p. (in Russian)

Zalevskaja, A.A. (2005) *Psiholingvisticheskie issledovanija. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy* [Psycholinguistic research. Word. Text: Selected Works]. Moscow, Gnozis. 543 p. (in Russian)

Zalevskaja, A.A. (2007) *Vvedenie v psiholingvistiku* [Introduction to Psycholinguistics]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 560 p. (in Russian)

Zalevskaja, A.A. (2011) *Znachenie slova cherez prizmu jeksperimenta* [The meaning of the word through the prism of experiment]. Tver', Tverskoi gosudarstvennyi universitet. 240 p. (in Russian)

Zalevskaya, A.A. (2014) *Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta* [Interfacial theory of word meaning: a psycholinguistic approach]. London. Published by IASHE. 180 p. (in Russian).

Kadyrova, L.D. *Gibridnye neonominacii v sovremennom mass-medijnom diskurse: semantiko-derivacionnyj aspekt* [Hybrid neonominations in modern mass media discourse: semantic-derivational aspect]. Dissertation for the degree of candidate of philology. Simferopol'. 208 p. (in Russian)

Malinin, A.B. (2013) Nestandartnoe slovoobrazovanie «smeshannogo» tipa sovremennogo anglijskogo slenga [Non-standard word formation of the “mixed” type of modern English slang] [Electronic source]. In: *University Readings – 2013*. Pjatigorsk, Pyatigorskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet. Available from: https://pgu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=395&ELEMENT_ID=6095 [Accessed 6th November 2021]. (in Russian)

Pogosov, A.A. (2011) *Dinamika perevodcheskogo processa: kriterii lingvokognitivnogo opisanija* [Dynamics of the translation process: criteria for linguo-cognitive description]. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philology: 10.02.19. Moscow. 18 p. (in Russian)

Podol'skaja, N.I. (1998) *Problema opisanija processa perevoda: metod komp'juternogo modelirovanija* [The problem of describing the translation process: the method of computer modeling]. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philology: 10.02.20. Moscow. 25 p. (in Russian)

Radbil', T.B., Raciburskaja, L.V. (2017) Slovoobrazovatel'nye innovacii na baze zaimstvovannyh jelementov v sovremennom russkom jazyke: lingvokul'turologicheskij aspekt [Word-building innovations based on borrowed elements in modern Russian: linguocultural aspect]. *Mir russkogo slova*. 2, 33–39. (in Russian)

Saltanova, Ju.A. (2020) Osobennosti ponimanija i perevoda nestandartnyh anglojazychnyh okkazionalizmov [Features of understanding and translation of non-standard English-language occasionalisms]. Final qualifying work. Brjansk: Brjanskij gosudarstvennyi universitet. 76 p. (in Russian)

Togoeva, S.I. (2000) *Psiholingvisticheskie problemy neologii* [Psycholinguistic problems of neology]. Tver', Tverskoi gosudarstvennyi universitet. 155 p. (in Russian)

Hanpira, Je.I. (1966) *Okkazional'noe slovoobrazovanie V.V. Majakovskogo (Otymennye glagoly i prichastija)* [Occasional word formation of V.V. Mayakovsky (Nominal verbs and participles)]. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philology. Moscow. 16 p. (in Russian)

Hrushhjoва, O.A. (2017) Blends of the modern Russian language as a mirror of culture. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(202), 66–70. (in Russian)

Chugunova, S.A. (2018) Funkcionirovanie jazyka v uslovijah lingvokul'turnogo vzaimodejstvija: dejatel'nostnyj podhod [The functioning of the language in the context of linguocultural interaction: an activity approach]. In: Zalevskaja, A.A. (Ed.) *Funkcionirovanie jazyka v sociume, tekste, individual'nom soznanii* [Functioning of language in society, text, individual consciousness]. Collective monograph. Tver', Tverskoj gosudarstvennyj universitet, pp. 193–214. (in Russian)

Chugunova, S.A. (2019) Neologizmy kak dostojanie individa (na materiale anglojazychnyh neologizmov iz sfery mody) [Neologisms as the property of the individual (based on the material of English-language neologisms from the sphere of fashion)]. *Journal of psycholinguistics*. 3(41), 64–77. (in Russian)

Jakovlev, A.A. (2015) *Psicholingvisticheskie aspekty perevoda* [Psycholinguistic aspects of translation]. Krasnojarsk, Sibirskij federal'nyj universitet. 160 p. (in Russian)

© Chugunova S.A., 2021

Article history:

Received: 25.09.2021

Accepted: 25.12.2021

Bionotes:

Svetlana A. Chugunova – Doctor of Philology, Professor, Department of the English Language and Translation Theory, BGU

Contact information:

Ul. Bezhitskaya 14, Bryansk 241036

e-mail: chugunovasvetal@rambler.ru

For citation:

Chugunova S.A. (2021) Translation of English nonce-words in the context of classroom bilingualism. *Journal of Psycholinguistics*. 4(50), pp. 96–115. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-96-115 (in Russian)